

СЮЖЕТ ДЛЯ НЕБОЛЬШОГО РАССКАЗА

Я и представить не мог, сколько сил и времени понадобится мне, чтобы отыскать фотографии Юрия Казакова, и что поиски эти станут увлекательной историей, составив сюжет для небольшого рассказа, который так и не будет никогда написан. А попытки отблагодарить людей, которые помогали в моем предприятии, будут пресечены железной рукой редактора популярнейшего в ту пору журнала: он вычеркнет из рукописи соответствующие абзацы, сказав: «А это, старик, лишнее». Позднее...

Но расскажу все по порядку. И начну с того, что назову место и время, когда был сделан публикуемый здесь снимок выдающегося русского писателя Юрия Павловича Казакова: подмосковное Переделкино, 17 марта 1968 года. Узнать это не составляло никакого труда: когда, наконец, на мой стол легли разыскиваемые фотографии, на обороте одной из них обнаружили приведенные выше данные, напечатанные на машинке. Было там и кое-что еще. Но об этом — позже, иначе слишком уж рано раскроется интрига сюжета. А без интриги, согласитесь, скучно.

Для чего же понадобились мне фотографии Юрия Казакова? — спросите вы. Отвечаю:

Близилось шестидесятилетие со дня рождения трагически рано ушедшего из жизни писателя, и я решил рассказать об этой встрече с ним, оставившей глубокий след в моем сердце, ибо Казаков — среди самых любимых и почитаемых мною. Когда очерк был готов, я показал его главному редактору «Огонька» Виталию Коротичу. Прочитав, он сказал: «Берем. Только найди хорошую фотографию».

Я обещал через пару дней принести снимок, не предполагая, сколь опрочетливо мое обещание.

Это потом я узнал, что Юрий Павлович не любил сниматься у профессионалов. Что он вообще многое не любил и по характеру был, как говорится, не сахар. Необщительный, молчаливый, трудно сходилась с людьми, мог обидеть резким словом. Я и на себе испытал это, пусть один только раз, но крепко.

Тот, давний теперь уже разговор с ним начался обескураживающе неожиданно для меня. Выслушав мою длинную тираду о том, какой он замечательный писатель, Казаков резко оборвал меня, крикнув:

— Ну ты брось это! Брось! Слышишь? Брось!

Правда, в голосе его, как мне показалось, было больше растерянности, чем гнева, но я порядком струсил, полагая, что после такого окрика разговор наш на сем и закончится. К счастью, я ошибся, и мы потом еще долго и мирно беседовали с ним в тот вечер в ЦДЛ, но ощущение, будто мне насыпали опилок за шиворот, так и не прошло.

Словом, вполне ощутимая и даже порой подчеркиваемая им обособленность от своих коллег, замкнутость и неуютность характера создали Казакову устойчивый имидж высокомерного гордеца и не способствовали обилию желающих общаться с ним,

фотографировать его, вести с ним беседы, разумеется, кроме друзей и добрых знакомых. Потому так скучна показалась мне казаковская иконография: несколько фотографий мелькали в его книгах, повторяясь до надоедливости. Попытки найти что-то оригинальное у известных наших мастеров, снимающих литераторов, оказались безрезультатными. Они развели руками: в ту пору, когда он начинал, мало кто угадывал в нем буду-

Юрий Казаков

щего мастера и снимал впрок. Потом же, когда его признали, он сам не всегда хотел иметь с ними дело.

Напасть на верный след помог критик Борис Леонов, хорошо знавший Казакова. Выслушав мои сетования, он посоветовал:

— А ты, старичок, спроси у Жоры Семенова. Он был самым близким другом Юры — и по жизни, и по охоте — и тут же блестяще «показал» Казакова в нескольких характерных репликах, что делал мастерски.

Я бросился разыскивать Семенова, с которым был к тому времени достаточно хорошо знаком. Увы, московский его телефон в Астраханском переулке молчал. Зная, что Георгий дружит с Валерием Поволяевым, нашел последнего, и он дал мне дачный телефон Семенова во Внукове. Боясь очередной неудачи, набрал номер писательского городка. Какой-то незнакомец ответил, что Георгия Витальевича, кажется, нет дома, но он посмотрит. Минут через пять я услышал голос Жоры. Он был явно огорчен. Оказалось, что его собака попила из лужи и отравилась, и вот теперь помирает, а он пытается спасти ее и ни о чем больше думать не может. Я извинился и хотел было уже положить трубку, но Жора сказал, что фотографии Казакова у него есть; однако в Москву он приехать не сможет, а будет там через пару дней его жена и найдет то, что мне нужно.

Спустя два дня спешил я в Астраханский, волнуясь, звонил в незнакомую дверь, был принят тепло и ра-

душно, получил конверт со снимками и, не чуж под собой ног, прибежал в редакцию «Огонька». Там и была впервые записана история о том, как искал я снимки Юрия Казакова. Та самая, которую выкинул редактор. Правда, в подписи указали по моей настоятельной просьбе, что фотография взята из архива писателя Георгия Семенова.

Разумеется, это была не та фотография, которую публикует сегодня «Вечерка». Но сделанная там же и тогда же, что и эта. Только на ней Казаков был не один: рядом стояла Белла Ахмадулина, а у ног его замер большой мохнатый пес, явно привыкший позировать.

Честно говоря, у меня просто не было тогда времени расспросить Георгия о том, откуда попали к нему эти фотографии, как на них оказалась Белла, что это за собака такая симпатичная, и чья она. Отложил вопросы на потом, не желая досаждал, а со временем забыл. И вот совсем недавно давнюю историю со снимками воскресила публикация Лианы Полухиной в «Литературной газете». Ее воспоминания о встречах с Юрием Казаковым — яркие, талантливые — сопровождают снимком, который очень сходен с тем, что опубликовал я когда-то в «Огоньке». Ну почти один к одному. Только под этим совсем другая дата и другой автор! «Моя» фотография сделана 17 марта 1968 года О. Ширавой, а литгазетовская — весной 1969 года Генриэттой Перьян. Но я готов держать любое пари, что оба снимка «щелкнуты» в один день, на одном и том же месте — в Доме творчества «Переделкино» — с одними и теми же персонажами! Чтобы утверждать это, не нужно никакой экспертизы, достаточно положить их рядом.

Казаков на этих снимках выражением лица напоминает мне героя одного из своих рассказов: «С детства был Агеев талантлив, и теперь, в двадцать пять лет, презрительно было его лицо, презрительны, тяжелы набрякшие коричневые веки и нижняя губа, ленив и высокомерен был взгляд темных глаз». («Адам и Ева»). Впрочем, может, мне только так кажется — слишком часто и долго смотрел я на этот снимок. Да и далеко не двадцать пять было тогда Казакову. Лучшая творческая пора (конец пятидесятых — середина шестидесятых) была уже позади. Самое значительное, ставшее классикой нашей литературы, уже написано. Начался долгий и тяжелый кризис, который оказался разрушительным для его ранимой души...

На несколько дней убежал он той весной в Переделкино от столичной суеты и оказался под фотообъективом... Но кто же они, эти дамы, сделавшие такие милые снимки Юрия Павловича Казакова? И какая дата точна? Надо, непременно надо узнать об этом.

Но тут начинается уже совсем другая история. И кто знает, возможно, я когда-нибудь расскажу ее вам.

Алексей ПЬЯНОВ.